

— Даоси Вань? Уж не тот ли это чернокнижник, о котором толковал Гао Цзэкай? — Пэй Цзинсин вспомнил, как мрачно и настороженно выглядел Гао Цзэкай в карете при упоминании этого имени. Он слегка сжал плечо Су Яня и шепнул: — Держи ухо остро.

Су Янь беззвучно кивнул и, указав на стоящую чуть наискосок двухэтажную пристройку, шевельнул губами, призывая следовать за ним.

Пока Шангуань Юнь утешал Юнь-нян в ожидании дорогого гостя, лазутчики, пригнувшись, бесшумно скользнули к двухэтажному флигелю. Всего лишь тонкая оконная рама отделяла хозяев дома от двух незваных гостей.

На втором этаже флигеля обустроили просторную террасу — здесь хозяева, должно быть, любовались полнолунием. Места тут легко хватило бы на десяток человек. Пэй Цзинсин и Су Янь прижались спинами к стене: в густых чернильных тенях заметить их было невозможно, разве что кто-то догадался бы посветить сюда фонарем.

Вскоре послышался негромкий шаг. Слуга с тусклым масляным фонарем торопливо вел за собой двоих.

Звезд на небе почти не осталось, а ущербную луну заволокло рваными тучами. Но в самом дворе, к счастью для соглядатаев, горело множество светильников, заливая все вокруг ровным теплым светом.

Присмотревшись, они разглядели идущего впереди старика. У него не хватало левого уха — все в точности, как описывал Гао Цзэкай. Однако руки он прятал в широких рукавах халата, так что проверить, целы ли пальцы на правой кисти, пока не удавалось.

Как только троица скрылась в дверях, Су Янь извлек из-за пазухи небольшое медное зеркало размером с ладонь. Едва слышно прошептав заклинание, он провел пальцами по тусклому металлу — и на полированной поверхности, словно в чистой воде, отразилось убранство покоев Шангуань Юня.

Пэй Цзинсин заглянул из-за его плеча. Убедившись, что зеркало не выдает их собственных лиц и послушно транслирует чужую беседу, он пристроился рядом.

На гладкой меди было видно, как старый даоси со своим молодым спутником переступили порог. Шангуань Юнь поспешил им навстречу, обменялся дежурными любезностями и сразу же повел гостя к кушетке, где, бледная от страха, покоилась Юнь-нян.

— Не убивайтесь так, госпожа, — Пэй Цзинсин, в совершенстве владевший искусством читать по губам, не сводил глаз со старика и негромко переводил его речь. — На то была воля небес. Барышня Шэнь должна была испустить дух еще полгода назад. Лишь благодаря заступничеству заместителя министра Шангуаня ее земной путь продлился еще на несколько месяцев. Это дар, а не проклятие.

Юнь-нян утирала слезы шелковым платком, но в голосе ее все еще звучало недоверие:

— Неужели это правда?.. Но зачем тогда ее призрак преследует меня и требует вернуть ей плоть?

— Вы неверно истолковали ее явление, — старик мягко, почти отечески улыбнулся. — Мятежный дух покойной лишь хотел убедиться, что ее прежняя земная оболочка не осквернена и окружена заботой. Увидев, как вы счастливы в браке, барышня Шэнь со спокойной душой ушла на перерождение.

Юнь-нян растерянно посмотрела на мужа. Шангуань Юнь тут же сжал ее холодные ладони:

— Даоси Вань — великий праведник, постигший тайны Дао. Станет ли он лгать нам в такой час?

— В последнее время вы слишком много тревожитесь, — благообразно кивнул даоси Вань. — Излишние заботы вредят не только вам, но и дитяти под вашим сердцем. У меня есть верное средство: целебный отвар, укрепляющий дух и дарующий покой. Пусть слуги заварят его перед сном — вам обоим это пойдет лишь на пользу.

Шангуань Юнь, ловивший каждое слово старца, низко поклонился:

— Премного благодарен вам, мастер.

— Не стоит благодарностей, господин заместитель министра. Это нам надлежит славить вашу щедрость за кров и стол, что вы нам даровали. На дворе глухая ночь, туман ложится. Не утружайте себя проводами, побудьте с супругой.

И все же хозяин дома настоял на том, чтобы проводить гостя хотя бы до ворот. На полпути к выходу старик внезапно замедлил шаг и что-то тихо шепнул своему молчаливому спутнику.

Пэй Цзинсин беззвучно повторил это движение губ — и в то же мгновение переменялся в лице. Не успел Су Янь даже пикнуть, как офицер стальным обручем обхватил его за талию. Секунда — и они оба бесшумно скользнули вниз, перемахнув через резные перила террасы.

Легкость Пэй Цзинсина граничила с чудом: даже увлекая за собой ношу, он не заставил вздрогнуть ни единую черепицу на навесе. Приземлившись под самым выступом второго этажа, он резко притянул юношу к себе, прижав спиной к глухой стене.

— Спрячь! — едва слышно выдохнул Пэй Цзинсин прямо ему в ухо.

Су Янь мгновенно сориентировался и скользнул зеркалом в глубокий рукав.

Сверху раздался едва уловимый свист — прямо над ними, подобно ночной птице, пронеслась тень. Это был тот самый молодой послушник, что сопровождал калеку-даоса.

Су Янь скосил глаза: из своего укрытия он отчетливо видел спину чужака. Парень медленно кружил по двору, высматривая следы лазутчиков и проверяя каждый темный угол.

Кое-как высвободив руку из жестких объятий, Су Янь заговорщически подмигнул спутнику и быстро сложил пальцы в защитную печать.

Воздух вокруг них дрогнул. Мир за пределами их крошечного пяточка под террасой смазлся, подернувшись полупрозрачной дымкой, точь-в-точь как во время их памятной вылазки в заброшенную усадьбу Квартала Добродетельного Покоя.

Су Янь уткнулся подбородком в плечо офицера и еле слышно прошептал:

— Техника отвода глаз. Замри.

Пэй Цзинсин без лишних слов затаил дыхание, еще плотнее вжимаясь в кирпичную кладку и укрывая юного даоса своим телом.

От груди Су Яня шло странное, почти обжигающее тепло. Даже сквозь плотную ткань халатов Пэй Цзинсин почувствовал этот жар.

— Что это? — тихо спросил он, щекоча губами мочку уха юноши. — Почему ты так горишь?

Су Янь лишь покачал головой. Он хотел было ответить, но заметил боковым зрением, как подозрительный парень направился напрямик к дверям пристройки. Даоси торопливо зажал себе рот ладонью и испуганно округлил глаза.

Их убежище под навесом террасы оставалось безупречной «слепой зоной». Снизу разглядеть их мешала тень и густой мрак, а сверху — дощатый пол террасы. Обнаружить незваных гостей можно было лишь одним способом: прыгнуть прямо туда, где они стояли.

Сверху заскрипели половицы — преследователь поднялся на террасу. Он навалился грудью на резное ограждение и замер, вглядываясь в темноту под собой.

Казалось, прошла вечность. Парень стоял неподвижно, и его хищный взгляд буквально ощупывал каждый дюйм у них над головами.

Су Яню казалось, что чужой взор прожигает ему лопатки. Он перестал дышать.

Техника отвода глаз исправно работала: для любого стороннего наблюдателя они сейчас сливались со старой кирпичной кладкой. И все же липкий страх шептал, что чернокнижник вот-вот раскусит обман.

Что, если он решит спуститься? Стоит ему протянуть руку и нащупать живое тело вместо холодного камня...

От этой мысли по спине побежал холодный пот. Иллюзия морочит зрение, но не может изменить физическую суть вещей. Взглядом наткнешься на стену, но пальцы неизбежно упрутся в плоть и ребра.

Пока Су Янь боролся с паникой, над головой свистнул резкий поток воздуха. Прижатый к нему Пэй Цзинсин мгновенно прищурился. Сомнений не оставалось: ищейка прыгнул вниз.

Если бы не сильные руки Пэй Цзинсина, державшие его мертвой хваткой, и не его спокойное, мерное дыхание над самым ухом, даоси наверняка сорвался бы с места и выдал себя.

К счастью, парень лишь прошелся по черепичному скату рядом с ними, шурша сухими листьями, и, так ничего и не обнаружив, бесшумно спрыгнул на землю во дворе.

Вернувшись к учителю ни с чем, послушник негромко доложил о результатах. На лице старого калеки промелькнуло сомнение. Он сложил пальцы веером, быстро нашептал охранную формулу и прошелся по внутреннему дворику, выписывая невидимые круги. Затем, мягко усмехнувшись, повернулся к хозяину поместья:

— Верно, шальной дух мимо пролетал, только и всего. Старею, видать, мнительным стал.

— Благодарю за бдительность, мастер Вань, — ответил Шангуань Юнь, чьи мысли явно крутились вокруг оставшейся в спальне жены. Жестом подозвав слугу с фонарем, он распорядился: — Проводите уважаемого гостя до ворот.

Когда шаги незваных гостей затихли в отдалении, лазутчики разом шумно выдохнули накопившийся в груди воздух.

Пэй Цзинсин неловко разжал объятия. Вглядываясь в пунцовое лицо Су Яня, суровый уличный посол неожиданно для себя почувствовал укол смущения. Ему еще никогда не доводилось прижимать к себе кого-то так близко, тем более в глухую полночь, скрываясь от погони.

Сам же Су Янь, далекий от амурных тонкостей, списал румянец на обычную духоту. Сердце бешено колотилось, ребра ныли от стального захвата, а грудь под халатом и вовсе нещадно жгло.

Он наконец смог запустить руку за пазуху и нащупал там глазурированные жемчужины.

Неужели это они так раскалились?

Ни с чем подобным юноша прежде не сталкивался, да и наставник никогда не упоминал о таких свойствах артефакта. Размышления Су Яня прервал легкий толчок в плечо:

— Идем, — шепнул Пэй Цзинсин. — Здесь больше ловить нечего.

Спрявив недоумение поглубже, даоси последовал за спутником. Они бесшумно соскользнули на землю.

Слова калеки-чернокнижника, похоже, принесли плоды: из окон спальни больше не доносилось истерических рыданий. Лишь мягкий свет по-прежнему лился сквозь тонкую бумагу ширм.

На бумажной перегородке колыхнулись два силуэта — супруги готовились ко сну. Несмотря на зрелые годы, Шангуань Юнь сохранил крепкую, поджарую фигуру воина, чьи очертания проступали сквозь тонкие одежды. Пэй Цзинсин скользнул взглядом по изящным изгибам женской тени и тут же деликатно отвернулся.

Зато Су Янь пялился во все глаза, нисколько не смущаясь. Он даже дернул офицера за рукав:

— Давай подберемся поближе! Может, подслушаем, о чем они шепчутся перед сном?

У Пэй Цзинсина от такой непосредственности едва дыхание не перехватило.

— С ума сошел? — шикнул он. — Они спать ложатся! К тому же этот калека Вань слишком опасен. То, что мы сейчас уцелели — чистая случайность. Не ровен час, вернется. Уходим.

Раз уж главный сыщик скомандовал отступление, Су Яню оставалось только подчиниться. Ловко лавируя между постами охраны, они покинули территорию усадьбы той же дорогой, которой пришли.

Когда под ногами оказалась широкая мостовая между кварталами Весенней Ясности и Вечного Спокойствия, ночной ветер хлынул им в лицо, заставив поежиться от холода. Оба облегченно вздохнули.

— Что теперь? — спросил Су Янь.

— В резиденцию Государственного наставника, к Гао Цзэкаю, — немного подумав, ответил Пэй Цзинсин. — Он явно знает про этого Ваня гораздо больше, чем соизволил рассказать в карете. Пора встряхнуть из него правду.

Гао Цзэкай сидел за столом, подперев голову рукой, и со свирепой завистью смотрел на Пэй Цзинсина, устроившегося напротив с самым невозмутимым видом. Сбоку от них Су Янь с аппетитным чавканьем уплетал горячую лапшу. Разбуженный посреди ночи Гао Цзэкай больше всего на свете желал сейчас взять метлу и с позором вытолкать обоих на улицу.

— Какого черта вам обоим не спится? — проворчал он, отхлебывая из пиалы горький настой женьшеня. Про себя Гао Цзэкай усердно твердил даосскую заповедь о вреде гнева: злость портит цвет лица и плодит морщины, а ему завтра еще перед приличными людьми показываться.

— Мы встретили даоси Ваня в усадьбе Шангуаня, — ровным голосом произнес Пэй Цзинсин.

Дзынь!

Пиала выскользнула из пальцев Гао Цзэкай и со звоном разлетелась вдребезги. Горячий отвар выплеснулся прямо ему на шелковые туфли, но хозяин даже не поморщился.

— Когда?! — выпалил он, подавшись вперед.

— Только что. — Пэй Цзинсин вкратце изложил детали их ночной вылазки. — Рассказывай. Кто такой этот калека?

— Видит небо, я и сам знаю крохи, — хмуро отозвался Гао Цзэкай, покачав головой. — Наставник лишь однажды обмолвился о нем. Велел бежать без оглядки, если когда-нибудь столкнусь с этим человеком лицом к лицу. Раз уж он приложил к этому руку... дело пахнет керосином. Берегите головы.

— Если этот Вань настолько силен и искусен, зачем Шангуань Юнь вообще нанимал проходимца вроде старого даоси Ли, чтобы усмирить беснующуюся тварь? — спросил Пэй Цзинсин.

— Возможно, старик просто не желал пачкать руки и светиться перед городской стражей, — предположил Гао Цзэкай. Однако его взгляд тут же вспыхнул азартом, когда он сопоставил услышанное: — Погоди-ка... Получается, в теле молодой барышни Шэнь сейчас ютится дух покойной супруги Шангуаня? А настоящая хозяйка плоти — это и есть та самая «полулицая тварь», которую мы заперли в кувшине?

— Прежняя жена Шангуань Юня давно покоится в могиле, — нахмурился Пэй Цзинсин. — Каким образом мертвец может выселить живую душу из ее собственного тела?

— Эх ты, служивый! — Гао Цзэкай насмешливо цокнул языком. — Когда его зазноба испустила дух, Шангуань едва умом не повредился. Сначала порывался заколоть себя фамильным мечом, чтобы воссоединиться с ней в преисподней, а затем пустился во все тяжкие. Полгода не

вылезал из заведений Квартала Мира и Здоровья, заваливал золотом девок и пил как не в себя. Его едва с позором не выставили со службы. Неужто не слышал? Ты ведь к тому времени уже вернулся из своих западных походов. Вся столица только это и обсуждала!

— Что-то краем уха ловил, — неохотно буркнул Пэй Цзинсин, явно не желая ворошить воспоминания о службе на границе. — Значит, безутешный вдовец стоптал сапоги, но отыскал чернокнижника Ваня, и тот сотворил обряд переселения душ. Несчастная барышня Шэнь оказалась выброшена на улицу и, лишившись плоти, превратилась в мстительного призрака. Она блуждала у родного дома, силясь вернуть то, что принадлежит ей по праву.

— Ну вот и ладушки! — Гао Цзэкай звонко хлопнул в ладоши и сладко потянулся. — Загадка разгадана, виновные ясны. А теперь проваливайтесь к чертям собачьим, дайте мне досмотреть сон.

— Рано радуешься, — Пэй Цзинсин преградил ему путь, положив ладонь на рукоять меча Хэн. — Все это лишь догадки. Шангуань Юнь — третий калач, он никогда не сознается в содеянном, а бредни пьяного Старого даоси Ли ни один судья не примет к делу.

— Вот сам и ищи свои улики! — Гао Цзэкай скрипнул зубами от злости на наглого офицера. — Я-то тебе зачем сдался? Мое дело — бесов ловить, а не копать в чужом грязном белье!

— Мы ведь договаривались, — Пэй Цзинсин скрестил руки на груди, включив полное упрямство. — Ты сам обещал помочь во всем разобраться. Или твоё хваленое мастерство простирается лишь до порога спальни?

— Пошел вон! — взвился Гао Цзэкай, багровея от ярости. — Чтобы духу твоего здесь не было!

Офицер спорить не стал. Он молча поднялся из-за стола и кивнул спутнику:

— Су Янь, уходим.

—... — Су Янь, державший у рта пиалу с остатками бульона, замер. В его глазах читалась вселенская скорбь безвинно пострадавшего даоса.

С тяжелым вздохом он затянул в рот последние две нитки лапши, торопливо сделал два больших глотка ароматного бульона и аккуратно вытер губы рукавом. До сытости было еще далеко, но долг звал в дорогу.

Гао Цзэкай демонстративно отвернулся, всем своим видом показывая, что знать их не желает. Но стоило тяжелым шагам Пэй Цзинсина затихнуть в коридоре, как Гао Цзэкай, чертыхаясь, подскочил на месте. Подобрав подол роскошного шелкового халата, он пулей вылетел во двор:

— Да стойте вы, демоны липкие! Я разве сказал, что умываю руки?!

Беглецы одновременно остановились и с легкой усмешкой обернулись к нему.

Гао Цзэкай криво усмехнулся и, обреченно махнув рукой, гаркнул в сторону кухни:

— Эй, бездельники! Живо тащите еще три миски лапши с курицей! Будем думать, как прижать этих тварей к ногтю.

<http://bllate.org/book/18419/1786560>